ИРИНА КРУПИНА, 2025

Шорт-лист фестиваля Любимовка-2026

САШИНА КАСАБЛАНКА

Пьеса в 1 действии

Действующие лица:

Полина Касабланковна – 35-40 лет.

Саша – 32 года. Саша чуть пригибается, ходит туда-сюда, трогает ноги, вытягивает кожу на руках.

Саша в своей прихожей надевает треснувшие до дыр кроссовки и куртку. Забегает на кухню, открывает кран, подставляет ладошку и пьёт из неё воду. Замечает семечки и начинает их щёлкать. Саша уже час стоит одетый и щёлкает семечки. У Саши трясутся руки, куча семечек выпадает из рук, полкухни в семечках.

Звонит телефон с разбитым экраном. Саша берёт трубку.

САША. Я не приду. Нет меня. Я умер.

Открывается дверь. Входит Полина Касабланковна (или Полина Галиновна, или Полина Любимовна, или…). Она большая, выразительная, на неё хочется смотреть. У неё подведены глаза, тушь на ресницах и красная (или фиолетовая, или бордовая, или зелёная, или синяя, или какая-нибудь другая) помада. И блестящая одежда. Сверху – шуба.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Привет, Саша.

САША. Полина Касабланковна, Полина Галиновна, Полина Любимовна… Полина.

Полина Касабланковна снимает шубу.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Я тоже хочу семечек.

САША. У меня есть!

Полина Касабланковна светится, как Алла Пугачёва в нулевые. Полина Касабланковна проходит на кухню Саши. На ней полно тарелок с огрызками, оторвана дверца от шкафа. Там же тазик с кучей полотенец. Саша достаёт большой пакет семечек «Красная цена» и высыпает их на стол (на нём – большая скатерть). Полина Касабланковна садится на единственную табуретку.

САША. Мне столько, столько тебе есть что сказать! Столько много! Столько всего. В смысле много всего. В другом смысле. Ну в смысле. В смысле в том же самом смысле.

Так. Во-первых, это самые дешёвые семечки, но они самые вкусные. Во-вторых, ты их когда-нибудь пробовала? А ты вообще ешь семечки? Ты любишь смотреть сериалы?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. У тебя ещё много?

САША. Семечек? Я не знаю. Упаковка большая, но когда сыпешь, не получается определить, сколько осталось. Когда кажется, что на потом оставил много, потом оказывается, что мало. В смысле если пачку разделить. Если не сразу всё съесть. Если…

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Понятно.

САША. Но это очень вкусные семечки.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Понятно.

САША. Хоть и самые дешёвые.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Понятно.

САША. Но…

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Я поняла.

САША. Да.

Саша пытается незаметно накрыть полотенцами тарелки с огрызками. Саша садится на пол напротив Полины Касабланковны. Полина Касабланковна щёлкает семечки.

САША. Ты светишься. *(пауза)* Ты знаешь, сейчас в магазинах косметики продаются – но на валдберризе тоже. Там вот блёстки для девушек… для женщин. Они мажутся, а тело сияет. Я задумался. А ты… а ты девочка или женщина? Ты сияние. И я не знаю, к какой группе тебя отнести.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А почему я Касабланковна?

САША. Когда говорят Касабланка, кажется, что это какая-то мечта. Но я не знаю, что такое Касабланка.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Это город и фильм.

САША. А.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Да.

САША. Понятно.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А почему Галиновна?

САША. Галиновна – это как будто у тебя отец Галина, а это невозможно. Тебе подходит что-то невозможное.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А Любимовна – от слова любить?

САША. Ну. От какого-то слова. Другого. Забыл какого.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Понятно.

САША. Ага.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Да. А есть клубничный компот?

САША. Есть именно он! Именно он!

Саша пытается налить Полине Касабланковне клубничный компот, но у него трясутся руки и всё разливается. Полина Касабланковна встаёт, протирает полотенцем скатерть и помогает Саше налить компот. Он замер в полусогнутой позе.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА *(про скатерть*). Застираем?

САША (*приглаживает скатерть, показывая, что она останется на месте).* А как ты узнала, что у меня есть, я люблю, что я вообще сварил клубничный компот?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Иногда Бог решает помочь тем, кто отчаялся.

САША. Не понял.

Полина Касабланковна берёт стакан и садится на табуретку.

САША. Я не понял. А кто отчаялся?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Да так. Знакомый один. Знакомый знакомого, если быть точнее.

САША. А. Теперь понял. Главное, чтобы не ты. Ну в смысле. В смысле я не эгоист. То есть не в том смысле, а в человеческом смысле. Я не хочу, чтобы другие люди отчаивались. Раз Полина Касабланковна тоже среди них, то… Можно я разденусь? *(пауза)* Я просто боюсь, что если я сниму с себя, то что-то изменится. А я не хочу. Я хочу. У меня просто ноги чешутся в кроссовках.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Раздевайся, Саша.

Саша молча куда-то убегает. Саша возвращается. Саша снимает куртку. Саша бежит, чтобы её повесить, она падает, Саша её выбрасывает в сторону, потом поднимает, возвращается к Полине Касабланковне, бежит обратно, вешает её на плечики, снимает кроссовок, нюхает его, потом другой, носки бросает, откуда-то берёт влажные салфетки, протирает ноги, нюхает, потом слюнями протирает их, снова нюхает.

САША. Полина!

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Да.

САША. Когда слюни засыхают, воняет немного.

Саша бежит в туалет, засовывает ноги по очереди в раковину (хотя рядом душ), моет хозяйственным мылом (у него есть только такое), снимает этикетку «Яркая» с самой дешёвой туалетной бумаги, вытирает ею ноги, отряхивает их от прилипшей бумаги. Чешет ноги. Возвращается за кроссовками и подходит к Полине Касабланковне.

САША. Я однажды в подземке оказался. Это давно было. Зима, метро не работает. Там женщина лежала и плакала. Я подошёл к ней. Потом подошёл парень, он был в пуховике таком голубом, но у него кроссовки… они все в трещинах, и это старые глубокие трещины, уже дырки. Он вызывает скорую, потому что некому больше звонить. И к нам мужик подходит, он в шапке, в шарфе, снимает перчатки. А это её мужик. И парень говорит: почему вы её домой не заберёте? А она кричит: мне больно, я хочу домой. И плачет вообще безостановочно. И мужик отвечает: а как я её, – и показывает на неё, что она вся описилась, пьяная, грязная, – заведу домой. Я её домой не заведу. И мы стоим вместе, описинная женщина лежит и плачет, а уже часа три ночи, зима, и нам очень холодно. И я вдруг сказал этому парню: а тебе из кроссовок не задувает? Он мне ответил: вы не знаете, в какой ситуации оказался человек и почему у него дырявые кроссовки. И вот я. Да. Раньше казалось, что с годами должно становиться лучше.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Любимые?

САША. Нет. Просто мои.

Саша кидает кроссовки в прихожей и заходит в комнату.

Полина Касабланковна бродит по Сашиной кухне, открывает шкафчики. Там тыквенные семечки, гречка в целлофанах, доширак, скомканная футболка и носки. Саша приходит с тетрадкой, сложенной в треугольник.

САША. Ты знаешь, что такое прощалка? Ты ездила в санатории? В детстве.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Нет.

САША. А я ездил. Садись. Это нормально, что я к тебе на ты? Я когда был ребёнком, я молился Богу и не знал, как к нему обращаться: на ты или на вы. Странное такое было ощущение, что к Богу нужно обращаться так же, как к учительнице или соседу по парте. Хотя я один сидел.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. На ты или на вы?

САША. К кому?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. К Богу.

САША. В детстве всё-таки на ты.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А сейчас?

САША. Сейчас я к нему не обращаюсь.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Почему?

САША. Не знаю.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не веришь в Бога?

САША. Я про него забыл как-то.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Забыл про Бога?

САША. Бабушки водили меня в воскресную школу и. Кстати. Те, кто ходил в воскресную школу, когда становятся взрослыми, дальше всех уходят от Бога.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Они возвращаются.

САША. А потом Бог перестал занимать место в моём мире.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. На ты. Ко мне на ты.

САША. Спасибо, Полина!

Саша пытается незаметно выбросить в мусорку несколько тарелок с огрызками.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не доел?

САША. Да так. Чуток.

Саша садится на пол около Полины Касабланковны. И разворачивает ей свою прощалку.

САША. Полина. Я тебе сейчас покажу прощалку. Мне её писали, когда я уезжал из санатория. Я учился в девятом классе, это была первая моя поездка. Евпатория, санаторий Крупской, воспитательница Ольга Александровна. Моя любимая воспитательница.

Саша откладывает прощалку.

САША. Ладно. Я вот недавно её листал и подумал…Ты знаешь, кстати. Я не мог понять: в какие-то моменты мне казалось, что тебе очень важно знать, о чём думают люди, любые люди, все люди, что это твоё человеколюбие, интерес к миру, я не знаю… А в какие-то моменты я был уверен... И ты представляешь, я до сих пор не смог понять.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Когда человек привык любить втайне, в одиночку, он становится ужасно монологичным.

Саша из ложек (ложки трясутся и разливаются) наливает Полине Касабланковне стакан клубничного компота.

САША. Не получается.

Полина Касабланковна помогает Саше. Саша пытается незаметно выбросить ещё одну тарелку с огрызком. Садится на пол.

САША. Полина. Ты же для меня как вся Касабланка, все на свете Любимовы, Любомиры, Любови, материнские, детские, романтические, межгалактические. О Господи. Полина. Когда я листал свою прощалку, я подумал, что в детстве мне дали столько необоснованной, просто откуда-то взявшейся любви. Мне писали о любви люди, с которыми мы познакомились только для того, чтобы они мне написали о любви.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Тебе кажется, что сейчас тебя не любят?

Саша снова поднимается, чтобы налить ложками Полине Касабланковне клубничный компот. Но у неё полный стакан. Чешет ноги. Листает прощалку и пытается что-то показать Полине Касабланковне.

САША. Я, наверное, не хочу об этом говорить.

Саша ставит кастрюлю с компотом рядом с Полиной Касабланковной. И ставит ей на стол много пустых стаканов (разных: керамических, стеклянных, одноразовых, приносит даже хрустальные бокалы). Полина Касабланковна достаёт из сумки мицеллярную воду и ватку. Снимает макияж.

Полина Касабланковна снимает с себя блестящую одежду и остаётся в ночнушке. Полина Касабланковна садится за стол и продолжает щёлкать семечки.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Я не сияю. Я блюю. Часто, потому что ем жирное, а у меня дискинезия желчевыводящих путей.

САША (*радостно*). О! У меня тоже!

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. И нервничаю много. Меня недавно спросили, почему я так боюсь ошибиться. Я удивилась, потому что никогда не думала, что я вообще боюсь ошибиться. У меня нет внутренней опоры, Саша. Мне не на что опереться.

Саша досыпает семечек и выбрасывает от них упаковку и лузгу.

САША. Ты знаешь, что кожура от семечек называется лузгой?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не знала.

САША. И я не знал. А ещё я не знаю, что значит слово препарировать.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Когда мне нужно сказать слово медитация, я прокручиваю в голове разницу между медитацией и мастурбацией, чтобы случайно не сказать мастурбация.

САША. О! Там есть разница!

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Но чаще я говорю про мастурбацию.

САША. О! Я тоже. В смысле не говорю. *(пауза)* В смысле… не в том смысле. То есть.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Есть разница, да.

САША. Кстати. А как жить человеку, у которого нет внутренней опоры?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не знаю. Как может.

Звонит домофон. Саша идёт в прихожую.

САША *(бубнит себе под нос).* Я обижен на Бога. Я очень обижен на Бога.

Саша грызёт провод. Домофон продолжает звонить. Саша ударяет себя. Домофон звонит. Саша открывает входную дверь и выбрасывает кроссовки. Домофон по-прежнему звонит. Саша прыгает. Саша тихо бьёт стены. Домофон замолкает. Саша перестаёт бить стены. В прихожую заходит Полина Касабланковна. Они молча стоят.

САША. Не сейчас. Нет.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Хорошо.

САША. У меня всё рушится.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Можно я зайду в твою комнату?

САША. Да не надо.

Полина Касабланковна подходит к двери в комнату. Саша касается Полины Касабланковны и смотрит на руку, которой коснулся.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Я хочу посмотреть, как ты живёшь.

САША. Слушай, давай не надо, наверное.

Полина Касабланковна открывает дверь в Сашину комнату. В комнате: собачий корм (у Саши нет животных), две большие тележки из «Чижика» и «Порядка», четыре маленькие красные корзинки с чёрными ручками, матрас без постельного белья. Кусок

пола обсыпан землёй, ещё один кусок пола – травой и ветками. На стене бычками от сигарет нарисованы цифры.

САША. Ну так. Немного творческий человек.

Полина Касабланковна приподнимает матрас, на котором нарисованы фломастером крестики-нолики.

САША. Очень творческий. *(пауза)* Бабушка в детстве говорила: параноики чертят нолики, паракрестики чертят крестики.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Шизофреники вяжут веники.

САША. Подзабыл немного.

Полина Касабланковна подходит к приклеенным к стене шкуркам от апельсина.

САША. Это для запаха. Для приятного.

На подоконнике стоят фотографии бабушек и маленького Саши. Рядом сервант с хрусталём. Полина Касабланковна трогает фотографии.

САША. Мои бабушки.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Били тебя?

САША. Ага. Но всё равно. Я.

Полина Касабланковна подходит к блевотине, накрытой туалетной бумагой. Полина Касабланковна приподнимает бумагу.

САША. У меня тоже дискинезия желчевыводящих путей. Я говорил. (*Полина Касабланковна подходит к траве и земле*) Это чтобы чувствовать траву, если на улице зима. Или осенью же дожди и холодно. Если не лето, да.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А у тебя вообще топят?

САША. Ну да. Наверное. Я накрываюсь, когда сплю. А ещё у меня дерматит на ногах. Не только вообще на ногах, а тебе что, холодно?

Полина Касабланковна становится босиком на траву и ветки.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Мне нравится так стоять.

САША. Наверное, ты тоже творческая.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Да вряд ли.

Стоят, молчат.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Почему ты Дашу не приводишь?

САША. Я не хочу никого приводить. Я тебя

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Меня нет.

САША. Ты есть. Я вот иногда думаю. А Полина Касабланковна она же и сейчас существует, когда и я, а это значит, что она сейчас чем-то занимается. Пересаживается на синюю ветку, разогревает запеканку, или лежит в кровати и смотрит фильм. Ты понимаешь! Я в шоке от того, что ты существуешь на этом свете. И люди с тобой каждый день общаются, кассиры в Пятёрочке, твои студенты, соседи, ещё триллион разных людей, не понимая, что для кого-то ты мечта. Ты планета.

Полина Касабланковна катит тележку на Сашу. Саша возвращает ей. Они играют.

САША. А ты знаешь магазин «Чижик»?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Я знаю Ашан, Ленту, Пятёрочку, Перекрёсток, ВкусВилл, Азбуку вкуса, Магнит, Магнолию. FixPrice.

САША. Есть ещё магазин «Порядок». Но там нет продуктов. Я ничего не купил и вывез пустую тележку. Всё-таки прикольно иметь дома тележки.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Можно сюда складывать грязные вещи для стирки.

САША. И подвозить их к стиральной машине. Только она у меня сломалась.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А как ты стираешь вещи?

САША. Да так. По-разному.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Можно складывать прочитанные книги.

САША. Я под кровать их складываю! Хочешь покажу?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не очень. *(пауза)* А где кровать?

(У Саши кровати нет)

САША. А вообще! Жить – это офигенно. Офигенно!

Тележка врезается в коробку, из которой вываливаются таблетки.

САША. О! Мои таблеточки! *(Саша показывает их Полине Касабланковне)* Вот это – перед сном я пью. Быстро засыпаешь. Но в последнее время спать не хочется, поэтому я

разжёвываю её, если утром рано вставать. Чтобы в кровь сразу попала. Вот это габапентин. А вот окно. Подойди к окну. Я тебе его тоже хочу показать.

Саша открывает окно.

САША. Я из него прыгну в скором времени.

Саша закрывает окно.

САША. Прости. Это я так. Я так не поступлю, потому что Полина Касабланковна, Полина Любимовна, Полина Галактионовна. Представляешь. Полина Галактионовна.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Вселенновна.

САША. Полина Вселенновна! Да нет. Как у тебя дела с папой?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Потихоньку. Даже хорошо. *(молчание)* Правда, я поняла, что мне с ним скучно. Не хочу ему звонить.

САША. Папки, мамки. Ля ля ля. А Даша его любит.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. А я не люблю.

САША. Я недавно понял. Было бы классно знать своего отца.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Наверное. *(пауза).* Кстати. Даша – лучшее, что есть в нашей семье.

САША. А я её не люблю.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Зато она стабильная. И у неё адекватные родители. И тётя. Тётя вообще классная.

САША. Тётя – это галактика. *(пауза)* Хочешь забрать все мои тележки? Или одну?

Полина Касабланковна встаёт в стойку на руки. У неё скатывается до головы ночнушка и свисает обнажённая грудь.

САША. Вау! Стойка! *(пауза)* Ты умеешь делать стойку.

Полина Касабланковна садится на матрас. Саша тоже. Сидят.

САША. Вот мы с тобой как люди.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Мы и так люди.

САША. Ну да. *(пауза).* Я имею в виду, что мы сейчас как люди, у которых всё хорошо. Пощёлкали семечек, выпили компота, поговорили. Сели отдохнуть. (*пауза).* Прости. У меня в гостях давно никого не было.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Почему?

САША. Да так. Времени нет. Да и. Как-то. Раньше всё само складывалось. А потом. Я не знаю. *(читает рэп)* Моя игра, моя игра, она мне принадлежит и таким же, как и я. Моя игра, моя игра, здесь правила одни и цель одна. А потом почему-то перестало.

У Полины Касабланковны рвотный позыв. Она вскакивает и прикрывает рот.

САША. Присесть?

Полина Касабланковна бежит в туалет.

САША. Там забилось! Там всё в говне!

Саша достаёт из серванта большую хрустальную салатницу.

САША *(подаёт салатницу).* Полина!

Полина Касабланковна блюёт. Саша нервничает и дёргается.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА *(в перерывах между позывами).* Бог приходит в этот мир любовью, глубоко царапающей нас. А глубоко царапает – любовь неслучившаяся.

Саша наливает (и разливает) стакан горячей воды. Саша подносит его Полине Касабланковне и стоит около Полины Касабланковны.

САША. Полина! Если что-то не успело перевариться, оно царапает горло, когда рвёшь. А поцарапанное горло хуже поцарапанного сердца!

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА *(стоя над салатницей, кричит).* Сердце у нас разодранное, а не поцарапанное. *(пауза)* А неслучившаяся любовь – это сияние! Просто оно настолько сильное, что человек не может его пережить в себе. Ему хочется действовать.

САША *(кричит).* Я люблю рвать. После того, как вырвал, чувствуешь облегчение.

Больше они не кричат. Саша подаёт Полине Касабланковне свою футболку и показывает, что ею она может вытереться.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА *(пьёт воду и вытирается).* И нужно действовать. Только иначе. Если ты не можешь налить клубничного компота человеку, которого любишь, налей его любому человеку, который хочет клубничного компота. *(пауза, отдаёт футболку)* А как ты будешь её стирать?

САША. Да так. Как-нибудь. *(пауза)* А ещё. Я, кажется, сломан.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. И семечки, блин, кончились.

САША. Кажется. У меня все умерли. У меня никого нет.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Спасибо за хрусталь. Так бы себя облевала.

САША. Да ничего, обращайся. Да. Мне несложно.

Полина Касабланковна возвращается на кухню, Саша за ней. Полина Касабланковна протирает столешницу от разлитого компота, подметает пол от семечек. Моет стаканы. Ставит компот в холодильник.

САША. Ты сидишь напротив, между нами – твоя сестра, её муж, Даша, свиные рёбра, кола зеро, незаправленный Цезарь. Ты уезжаешь – и я остаюсь с пустотой. Не в том смысле, что на твоём месте – пустота. Больше. Больше. Вся жизнь моя вдруг становится – нет, она не становится, а она такой и есть – очень пустой, и я думаю: а как я раньше жил? Пил колу зеро. Почему я раньше не замечал, что мне просто нечем жить? Пишут – ручкой, едят – вилкой и живут – тоже чем-то. А мне нечем. И я болею. Между нашими встречами на сраных семейных праздниках. Пока я не пишу тебе сообщений. Я хаваю межгалактическую пустоту, и я уже не думаю, что это просто нужно пережить. Я не могу это пережить. Моя душа. Она болтается в теле, как теннисный шарик в пустом баке. Нужно жить, конечно. Я стараюсь выбраться, но всё проваливается. Куда-то проваливается, и я вместе со своими попытками лечу вниз. Оказываюсь в сыром подвале с протекающими трубами. И в моей жизни – только протечки. Зеро, но без колы. И моя блевотина, да. И ты знаешь, я твою не сразу уберу. У тебя не блевотина, а рвота. *(пауза)* Я хожу по своему подвалу. Я остался в нём. И мне кажется, это насовсем.

Полина Касабланковна одевается. Полина Касабланковна смотрит на Сашу. Полина Касабланковна надевает шубу.

САША. Ты, кстати, не ответила. Тебе не холодно?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Жарко.

Молчание. Стоят около двери.

САША. Я не хочу, чтобы у тебя была дискинезия желчевыводящих путей.

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Не грусти. Встретимся на Новый Год. Или на Полярной звезде. Или за полярным кругом.

САША. Может в Пятёрочке?

ПОЛИНА КАСАБЛАНКОВНА. Ладно.

Полина Касабланковна уходит.

Саша ходит по квартире, рассматривает её, какая она после Полины Касабланковны. Пинает плинтус. Срывает со стены шкурки от апельсинов. Убирает свою блевотину.

САША. Ёмаё. Ёмаё.

Саша всё разрушает, и мы видим, что это не квартира, а подвал. Вместо кухни – по центру, не прижато к стенке, стоит кухонный гарнитур, подобранный с помойки. Вместо раковины и крана, где он мыл ноги, – таз, подставленный к капающей трубе. Так же и на кухне, где Полина Касабланковна мыла посуду. Вместо окна – много отравы для тараканов. Когда Саша срывает скатерть со стола, оказывается, что это доска, держащаяся на кирпичной конструкции. Все двери и стены падают. Вместо холодильника – стеллаж с прикреплённой дверцей, обклеенной чем-то белым.

Саша сидит на полу. У Саши чёрные ногти после семечек. Саша рычит, бьёт кулаком ладонь.

САША. Девочке нужен отец.

Саше звонит телефон. Саша отвечает.

САША. Да блять. Даша. Через десять минут буду. Прости, пожалуйста.

Саша надевает куртку. Достаёт другие кроссовки – не треснувшие.

САША. Ёбаная жизнь.

Саша уходит.

botboot@bk.ru